

STYLISTYKA XXIII, 2014

ARTICLES

ЕЛЕНА А. БАЖЕНОВА	9	ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА
The discourse and stylistic text analysis
БРАНКО ТОШОВИЧ	19	СТИЛЬ И ДИСКУРС: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ
Style and discourse: similarities and differences
IRENA SZCZEPANKOWSKA	31	INTEGRACYJNY WYMIAR WSPÓŁCZESNEJ ANALIZY DYSKURSU W ŚWIETLE PRAC JĘZYKOZNAWCZEJ SZKOŁY FRANCUSKIEJ
The integrative dimension of the contemporary discourse analysis in the light of the studies conducted by the French linguistic school
ВАДИМ В. ДЕМЕНТЬЕВ	49	ОБ ИЗУЧЕНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В НОВЕЙШИХ ДИСКУРСИВНЫХ СФЕРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)
About studying the communicative values in neoteric discursive spheres (based on Russian)
АНАТОЛИЙ Г. БАРАНОВ	71	КОНТИНУАЛЬНОСТЬ/ДИСКРЕТНОСТЬ – СТИЛЕВАЯ ЧЕРТА ДИСКУРСА
Continuity/discreteness – stylistic feature of discourse
ЛИЛИЯ БЕЗУГЛАЯ	87	ДИНАМИКА АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В ДИСКУРСИВНОЙ ЛИНГВОПРАГМАТИКЕ
Dynamics of anthropocentrism in discourse pragmatics

Стиль и дискурс: сходства и различия

БРАНКО ТОШОВИЧ
(Graz)

1. С появлением теория дискурса (ТД) открылись новые перспективы для толкования языковых феноменов. Одновременно возникли определенные отрицательные тенденции, ослабевающие этот подход. Его центральное понятие – дискурс стало все чаще механически использоваться, невзирая на необходимость, оправданность и целесообразность. Употребление слова *дискурс* стало очень модным, в связи с чем Луиза Дж. Филлипс и Марианне В. Йоргенсен пишут:

Уже, по крайней мере, лет десять термин *дискурс* является модным. В научных текстах и дебатах он используется произвольно, часто без точного определения, понятие стало размытым ? либо потеряло значение ? либо напротив, стало использоваться более точно с различными значениями в различных контекстах (Филлипс, Йоргенсен 2004: 14).

Термин *дискурс* все чаще заменяет другие названия, в первую очередь, *коммуникацию*, *текст* и *функциональный стиль*, хотя они не являются синонимами. Формальная замена центрального понятия дисциплины А, Б и/или В центральным понятием дисциплины Д (или наоборот) является некорректным, научно непродуктивным и методологически нецелесообразным. Существует целый ряд работ, в которых можно провести замену *текст* ↔ *дискурс* и *дискурс* ↔ *(функциональный) стиль*, никаким образом не меняя общего смысла. Лишь формальной заменой одного термина другим расшатывается ТД, а ее центральный термин превращается в стертую монету. Формальная замена без каких-либо новых элементов охватывает и терминологическое сочетание, в которых один его член заменяется корнем *дискурс-*, скажем *языковая картина мира* превращается в *дискурс-*

сивную картину мира или дискурс-картину мира, речевая деятельность в дискурсивную деятельность, языковая личность в дискурсивную личность, речевое поведение в дискурсивное поведение, языковое пространство в дискурсивное пространство. При этом авторы и не задумываются над тем, что научная корректность требует семантического разграничения или уточнения между новым и старым (исходным) понятием. Кроме того, необъятное количество дискурсивных таксонов создает впечатление, что почти нет ничего в жизни и в языке, что нельзя назвать *дискурсом*.

2. Одна из самых больших проблем в рассмотрении понятий теории дискурса (ТД) и теории стилей (ТС) состоит в чрезмерно широком толковании центрального понятия первой – дискурса. На это указывают почти все исследователи ТД, скажем:

В современной науке нет единства в толковании значения этого термина (Седов 2004: 7).

Все это привело к появлению огромного числа дефиниций и толкований, часто невятных, противоречивых, затемняющих родовую природу функционирования дискурса и т. п. (Седов 2004: 8).

Разнообразие всевозможных подходов, определений и трактовок феномена дискурса настолько велико, что очень часто само понятие *дискурс* остается без должного внимания, поскольку считается, что оно уже прочно вошло в структуру общих знаний и не требует дополнительных разъяснений (Романов 2005: 10).

Сара Миллс пишет, что область применения данного понятия и способы его трактовок „остаются до сих пор неясными и просто не поддаются здравому смыслу” (цит. по: Романов 2005: 10).

Сейчас в принципе не важно, что является дискурсом, а наоборот: что не является дискурсом, что относится к не-дискурсу.

Время покажет, насколько некоторые подходы в толковании дискурса будут (из-за необъятности объекта исследования) губительны для ТД, например определение дискурса как а) всякое употребление языка, б) использование языка во всех ее разновидностях, в) высказывание или даже г) все, что говорится и пишется (см. Прохоров 2004: 18, 20, 22). Наблюдаемый сильный процесс детерминологизации основного термина (*дискурс*-а) может очень отрицательно отразиться на данной теории.

3. Четыре смежные теории: теория коммуникации (ТА), теория стилей (ТС), теория текста (ТТ) и теория дискурса (ТД)¹ должны сосуществовать, а не исключать друг друга. Очень важно разобраться в отношении между этими четырьмя теориями, занимающимися четырьмя различными, но близкими предметами исследования: коммуникацией, стилем, текстом и дискурсом. ТА, ТС, ТТ и ТД являются не конкурирующими, а взаимодействующими научными направлениями, которые могут сосуществовать, не отрицая и не исключая друг друга. Поэтому вред наносят те, которые считают неважным различать коммуникацию от дискурса, текст от дискурса, функциональный стиль от дискурса.

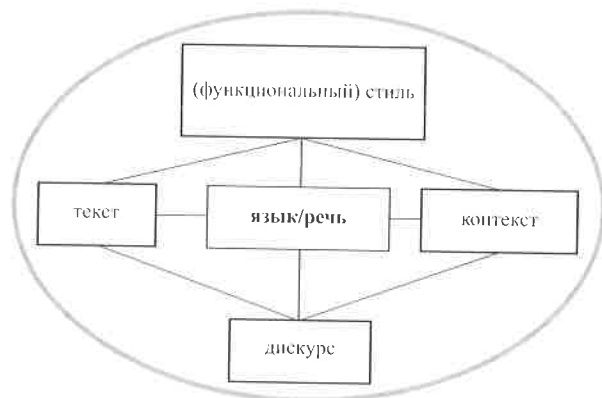
4. Исследование дискурса является продуктивным, если оно проводится на своем уровне – надтекстуальном (нетекстуальном) и надстилистическом (нестилистическом). Специалисты по дискурсу могут внести большой вклад в свое направление и разграничение между указанными четырьмя теориями, если 1) выработают такое определение дискурса, которое бы четко разграничивало дискурс от коммуникации, дискурс от текста и дискурс от функционального стиля, 2) создадут категориальный аппарат, отличающийся не формально, а существенно от категориального аппарата ТК, ТТ и ТС, 3) разработают всеохватывающую таксономию дискурсов.

Что касается первого, прошло уже три-четыре десятилетия с тех пор, как ТД появилась, и все еще дискурс требует определения, т. е. он все еще нуждается в уточнении (такого обилия, разнообразия и путаницы в дефинициях основного понятия, наверно, трудно найти в других научных областях, поэтому ТД уникальна в этом плане). По отношению ко второму, категориальный аппарат ТД в ряде работ берется из других школ, направлений и дисциплин. В качестве иллюстрации приведем лишь один пример: дискурс-категориями называются в частности самоидентификация, атрибутивность, деятельность, пространство и время, роли, миссия/цель (первая группа категорий), аудитория, целевая аудитория, реляционная коммуникативная стратегия (вторая группа категорий), направленная информация, коммуникативные стратегии (третья группа категорий), интертекстуальность, лингвистический статус, энциклопедические знания, правильность речи, вариант языка, специальная терминология,

¹ К ним близка и теория чтения.

стилистический диапазон, интерактивность, невербальное поведение, открытость/закрытость, степень активности адресата в коммуникативной ситуации (четвертая группа категорий) (Ухванова-Шмыгова, Маркович 2013: 123–124)². В связи с третьим можно сказать, что необходимо создать типологию дискурсов, при помощи которой можно было бы разобраться по крайней мере в том, что находится иерархически выше, а что ниже. Если учесть лишь таксоны в некоторых монографиях и пособиях по ТД (см. список литературы), можно понять, какое разнообразие существует в выделении различных типов дискурса, без их группировки в целях осмысления и описания: **а)** абстрактный, академический, антисемитский, виндиктивный, газетно-публицистический, конфликтный, методологический, музыкальный, мультимедиаальный, организационный, парламентский, педагогический, переводческий, политический, публицистический, романтический, советский, телевизионный, убеждающий, уголовный, учебный, феминистический, экологический, **б)** гипер-дискурс, медиа-дискурс, пан-дискурс Интернета, **в)** дискурс людей, дискурс неолейборизма, дискурс течеризма и т. п.

5. Очень актуальным является вопрос разграничения центральных понятий ТК, ТГ, ТС и ТД на конкретном материале. Было бы, скажем, интересным провести исследование лишь одного текста, чтобы получить представление о том, чем отличаются результаты анализа в рамках ТК, ТГ, ТС и ТД (здесь можно добавить теорию чтения и теорию интерпретации).

² Авторы выделяют 33 категории.

Стилисты должны подчеркивать, что понятие *функциональный стиль* является не только статическим, но и динамическим феноменом (что усложняет разграничение между функциональным стилем и дискурсом). В стилистических исследованиях надо настаивать на том, что *функциональный стиль* и *дискурс* – различные понятия и что непродуктивно механически заменять *стиль* *дискурсом* или же к *стилю* добавлять какое-либо дискурсивное определение лишь для того, чтобы быть «современным». Необходимо указывать и на то, что подобно дискурсу, и функциональный стиль как динамический феномен выходит за рамки текста и стиля как продукта.

6. Объединение понятийного аппарата ТД и ФС является целесообразным, лишь если учитывается природа их центральных категорий: дискурса и функционального стиля. Ориентация на использование терминологии ФС для расширения терминологии ТД и/или толкования его феноменов в отсутствии выработанной категориальной и терминологической систем ТД может создать путаницу и в самой ФС (что кажется уже и происходит).

7. В продолжении данной темы приведем пример книги, в которой была предпринята попытка рассмотреть функциональную дифференциацию языка с аспекта ТД с явным предпочтением последней. Речь идет о публикации М. Ковачевич и Л. Бадурини *Расслоение языковой действительности* (Kovačević, Badurina 2001), в которой говорится не о общей дифференциации языка, а лишь об одной ее разновидности – функционально-стилистической. Применением дискурсивного анализа и использованием понятийного аппарата ТД авторы хотели показать, как язык функционально-стилистически членится. В результате получился симбиоз двух теоретических подходов: функционально-стилистического и дискурсивного. К данному объединению авторы сознательно стремились с начала до конца. Такая интердисциплинарная, точнее двупланная, конструкция требовала выбрать одну из двух возможностей: 1) сбалансированно соотносить функционально-стилистические и дискурсивные феномены или 2) отдать предпочтение лишь одним из них. В книге выбран второй путь, и в основном терминологическом аппарате центральными оказались понятия ТД, а термины ФС ушли на другой план, но не на столько далеко, чтобы они оказались на явной периферии. В этом подходе иерархически на верху стоит *дискурс*, т. е. *дискурсивный тип*, представляющий собой, по вы-

ражению авторов, эквивалент функциональных стилей. Их подстилям соответствуют *области, домены* (Kovačević, Badurina 2001: 127). В рамках дискурсивных типов выделяются на горизонтальном уровне специальный, мультимедийный, публичный, частный и литературный дискурс, а на вертикальной – устный и письменный. Реже используется термин *поддискурс* (Kovačević, Badurina 2001: 94, 116, 127), *наддискурс* (Kovačević, Badurina 2001: 150), *микродискурс* (Kovačević, Badurina 2001: 127) и *интердискурс* (Kovačević, Badurina 2001: 127). С другой стороны, параллельно употребляются выражения из ФС, прежде всего *функциональный стиль* и *подстиль*. Также приводятся названия отдельных видов языка (*научный язык, язык науки, язык политической науки, язык юридических наук, язык делопроизводства, административный язык, административно-юридический язык, язык юридической специальности, язык банковского дела*), затем *подъязык, подсистема* (*разговорная подсистема, неразговорная подсистема*), *код* (*семейный код*), *языковой подкод*.

Данная книга вызывает недоумение по поводу того, как назвать рассмотренный авторами вид расслоения языка, т. е. как толковать функционально-стилистическую дифференциацию языка, если выйти за рамки теории функциональных стилей и войти в ТД. Так как дискурс категориально не является эквивалентом функционального стиля, возникает противоречивая ситуация в том отношении, что функционально-стилистическая дифференциация оказывается не в своем исконном дисциплинарном русле, а выделяемые типы дискурсов размывают ясные контуры функциональных стилей. Точнее, возникает представление о функционально-стилистической дифференциации, которая является не функционально-стилистической, а каким-то гибридом, сплавом, состоящим из функционально-стилистического расслоения и дискурсивного разнообразия. Именно здесь и открывается (точнее предполагается) причина, почему в заглавии книги пропущено уточнение типа *членения языка*. Нам кажется, что лучше всего соответствует название *дискурсивно-функционально-стилистическое расслоение*, хотя оно нигде в доступной нам литературе не упоминается. Второй выход состоит в введении определения (в форме родительного падежа) типа *функционально-стилистическое расслоение дискурса*. В таком случае смягчается основной конфликт между двумя различными терминами: *дискурсом*, предпочитаемым авторами, и *функциональным стилем*, без которого они очевидно не могли справиться,

потому что по сути дела речь идет о функционально-стилистической дифференциации. Попытка замены функционального стиля дискурсом оказалась искусственной и не доведенной до конца (авторы остановились на полпути). Данная книга явно свидетельствует о том, что нельзя *функциональный стиль* заменить *дискурсом* без существенной потери его категориальности, также как *функциональный стиль* невозможно заменять *дискурсом* без семантических изменений. Основная проблема в использовании термина *дискурс* на функционально-стилистическом уровне лежит в его многозначности (иногда кажется необъятном). Сами авторы неоднократно чувствовали необходимость высказать свою позицию по этому поводу и давали различные толкования (приводя в недоумение читателей) прежде всего используемого ими термина *дискурс*. Они в частности приводят противоречивые толкования о том, что *дискурс* – это 1) текст в контексте, 2) текст в зарождении, 3) язык в употреблении (устном и письменном), 4) субъективный модус, при помощи которого подчеркивается настоящий (актуальный) момент какого-либо рассказа, 5) нарративный модус, включающий тон, точку зрения, 6) выражение отношения к внешним институтам и т. п. (Kovačević, Badurina 2001: 18, 124, 186). Создается впечатление, что авторы иногда сами не уверены, что подразумевать под *дискурсом*, ср.:

Дискурс, кажется, в общем обозначает все мысли языка, которые, согласно Бахтину, указывают на конкретную существующую тональность (1981) (Kovačević, Badurina 2001: 18).

Но все эти объяснения оказались недостаточными, чтобы поставить точку, и десять страниц спустя авторы опять возвращаются к определению дискурса и приводят мнение, согласно которому *дискурс* обозначает спонтанный, импровизированный речевой тип неопределенной длины в интексубъективной ситуации обсуждения (Kovačević, Badurina 2001: 35). Страниц сто дальше они пишут, что в литературе дискурс используется по-разному и что он покрывает все аспекты коммуникации, не только само сообщение или текст, но и адресанта и адресата, а также непосредственный ситуационный контекст (Kovačević, Badurina 2001: 128). Затем констатируется, что дискурс включает и превосходит текст, что он соотносится с вариациями и регистрами. По их мнению, текст можно рассматривать как вербальную запись коммуникативного акта, т. е. он

является репрезентантом дискурса. Следует утверждение, что дискурс не относится к простому общению, но и к письменной коммуникации между автором и читателем. В отличие от текста как продукта, добавляют авторы, дискурс воспринимается как процесс. Хотя используются термины *поддискурс* и *наддискурс*, все выделенные функционально-стилистические таксоны чаще всего называются *дискурсом*, в результате чего получается список, состоящий из 24 разновидностей: *административный, академический³, эстетически окрашенный, публичный, литературно-художественный, литературно-научный, литературный, мультимедиаальный, нарративный, письменный, политический, юридический, правовой, прикладной, частный, публицистический, разговорный, религиозный, сакральный, специализированный, научный дискурс; дискурс письма, дискурс рекламы*. При этом авторы не отрицают оправданность, целесообразность и научную обоснованность функционально-стилистических категорий. Положительным является то, что они в функционально-стилистическом и дискурсивном симбиозе стремились использовать термин *функциональный стиль* в узком и прямом значении, что его пытались как можно больше соотнести с дискурсом, явно предпочитая первый. При этом они проявили чувство реальности, прежде всего в понимании, что нельзя оспаривать уже прижившийся функционально-стилистический подход и целесообразность функционально-стилистического анализа. Но одновременно они как будто потеряли силы и интерес рассмотреть сложнейшую проблему, применив самый плодотворный подход: разграничить дискурс от функционального стиля таким образом, чтобы разграничить в первую очередь функциональный стиль от функционально-стилистического дискурса. При этом не следовало бы отождествлять дискурсивные типы с функционально-стилистическими, а указывать на их близкую, но не изоморфную природу. Важным вкладом в ТД и ТС было бы определение границ между дискурсом и функциональным стилем и поиск серых зон между ними, в которых проявляется сходство и идентичность. Когда речь

³ В анализе академического дискурса, опубликованном в отдельной статье, авторы констатируют, что этот дискурс реализуется на плане речи и написания (*ispis*), причем этот последний больше всего соответствует «терминологизированному» понятию научного стиля (Kovacević, Badurina 2002). Они утверждают, что в общепринятой функциональной дифференциации в основном пренебрегается дистинктивный характер плана языковой реализации, в котором какой-либо дискурсивный тип (*функциональный стиль*) – как подсистема системы стандартного языка – потенциально реализуется.

идет об этом, ставится вопрос 1) совпадет ли действительно дискурс, т. е. дискурсивный тип с функциональным стилем (как это на нескольких местах утверждается; конкретно публицистический дискурс с публицистическим стилем), а область, «домен» с подстилем функционального стиля, 2) совпадают ли функционально-стилистические комплексы (светский и сакральный, военный и гражданский, частный и публичный, теоретический и прикладной) с основными дискурсивными типами. И еще одно примечание. В ряде работ, появившихся в последнее время, некритически, иногда и без понимания, берутся и используются новые термины, например, *концепт*, а в настоящее время это к сожалению происходит и с *дискурсом*. Этот термин все чаще используется как новая, современная замена понятия *функциональный стиль*, как его эквивалент, каким он по сути дела не был и не будет. Авторы книги попали в такую ловушку, и в ряде мест вызвали сомнительные вопросы типа 1) надо ли механически заменять *функциональный стиль* термином *дискурс* там, где первый совсем нормально звучит и функционирует, 2) надо ли смешивать, не разграничивать функционально-стилистическое и дискурсивное расслоение языка и 3) можно ли их взаимодействие решить простой реноминацией. Для соотношения ДС и ТС существенно важно выработать типологию дискурсов, так как трудно рассматривать категории с четкой и подробной классификацией (как в случае ТС) с категориями, у которых она отсутствует (как в случае ТД). Оправданность замены понятия *функциональный стиль* понятием *дискурс* можно выявить, если в рамках ТД будет создана типология, подобная функционально-стилистической, хотя бы приблизительная по глубине, ширине и иерархии. Ведь одно дело произвольно выделять дискурсивные таксоны, а совсем другое – создавать целостную таксономическую конструкцию.

8. Так же как надо стремиться, чтобы дискурс не потерял свой терминологический характер, необходимо и функциональный стиль беречь от ненужного расширения, от расшатывания и нейтрализации его границ до такого уровня, когда он перестал бы быть четким термином. А это как раз и происходит в последнее время. Рассмотренный подход, в рамках которого функциональный стиль заменяется дискурсом, впитывается или нейтрализуется им, мы считаем не лишним экспериментированием, а примером как анализ может показать, что дискурс и функциональный стиль не одно и то же.

9. Мы пришли к выводу, что в противоположность неопределенному, точнее многозначному термину *дискурс* стоит ясный, однозначный термин *функциональный стиль*. Он точно указывал и указывает на то, что речь идет об использовании языка в определенных видах человеческой деятельности (литературе, публицистике, науке, делопроизводстве и повседневном общении), в которых господствует определенная функция языка (типа общения, сообщения и воздействия – эстетического, агитационного, пропагандного и др.). Поэтому является неоправданным механически заменять один термин другим. Но нам кажется целесообразным и оправданным искать точки соприкосновения, взаимного проникновения и переплетения.

Литература

- Вдовиченко А. В., 2002, *Дискурс – текст – слово*, Москва.
- Ворожбитова А. А., 2005, *Теория текста: Антропоцентрическое направление*, Москва.
- Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные структурные аспекты*, 2000, ред. С. А. Ромашко, Москва.
- Задворная Е. Г., 2000, *Субъект высказывания и дискурса: человек говорящий и человек мыслящий*, Минск.
- Карасик В. И., 2004, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Москва.
- Макаров М. Л., 2003, *Основы теории дискурса*, Москва.
- Медиадискурс: новые явления и новые подходы*, 2010, ред. Н. А. Кузьмина, Омск.
- Миронова Н. И., 1997, *Дискурс-анализ оценочной семантики*, Москва.
- Прохоров Ю. Е., 2004, *Действительность. Текст. Дискурс*, Москва.
- Розин В. М., 2000, *Типы и дискурсы научного мышления*, Москва.
- Романов А. В., 2005, *О статусе дискурсивного анализа в учебной коммуникации. – Языковая личность в дискурсе*, ред. А. А. Романов, Москва.
- Седов К. Ф., 2004, *Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции*, Москва.
- Тошович Бр., 2013, *Сильные и слабые стороны современных работ по дискурс-лингвистике. – Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики*, «La Table Ronde», вып. 2, ред. И. Ухванова, А. Кожина, Е. Савич, Минск.
- Ухванова И., Кожина А., Савич Е., 2013, *Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики*, «La Table Ronde», вып. 2, ред. И. Ухванова, А. Кожина, Е. Савич, Минск.

Ухванова-Шмыгова И., Маркович А., 2013, *Дискурс-категории: классификационный аспект. – Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики*, «La Table Ronde», вып. 2, ред. И. Ухванова, А. Кожина, Е. Савич, Минск.

Филлипс Л. Жд., Йоргенсен М. В., 2004, *Дискурс-анализ: Теория и метод*, Харьков.

Языковая личность в дискурсе, 2005, ред. А. А. Романов, Москва.

Kovačević M., Badurina L., 2001, *Raslojavanje jezične stvarnosti*, Rijeka.

Kovačević M., Badurina L., 2002, *Akademijски diskurs. – Riječki filološki dani*, Rijeka.

Tošović B., 2002, *Funkcionalni stilovi. Funktionale Stile*, Graz.

Style and Discourse: Similarities and Differences

The paper provides a critical interpretation of too broad, nontermological and trendy use of discourse in the linguistics and stylistics. The author emphasizes that the concept of discourse cannot replace and displace the notion of style because they are completely different concepts. The paper maintains that it is in the best interest of both, discourse theory and the theory of style, to determinate the clear distinction between these two terms.

Keywords: *Style, Discourse, Similarities Differences, discourse theory, theory of style*